

Дверь распахнулась внезапно и без всякого предупреждения. Мо Сяобэй стоял в синей пижаме с изображением медвежонка, а пушистые ушки на капюшоне смешно подрагивали при каждом его движении. Его волосы были в полном беспорядке и торчали в разные стороны; сам он, высунувшись из дверного проёма, озадаченно посмотрел на Фу Яньлиня:

- Что случилось? Брат Линь, у тебя что-то стряслось?

- Э-э... ты разве не спишь? - Фу Яньлинь замер на месте. Он был заметно выше Мо Сяобэя, и с его высоты было отлично видно, что пуговицы на пижаме того застёгнуты наперекосяк, вкривь и вкось. Кожа от ключиц и ниже, видимо, крайне редко видевшая солнечный свет, казалась неестественно белой, что слегка ослепляло и невольно вызывало в голове странные, смущающие мысли.

Оказалось, что этот парень совсем не загорал.

Мо Сяобэй сладко зевнул и потёр глаза. Когда он поднял руки, обнажились его запястья и предплечья с отчетливо проступающими венами - следствие долгой и изнурительной работы с тяжёлой поварской лопаткой. Фу Яньлинь, сам не понимая почему, нашёл эти мышцы невероятно сильными и притягательными. Чувствуя себя крайне неловко, он слегка отвёл взгляд, тщетно пытаясь скрыть странное выражение своего лица.

Мо Сяобэй, совершенно не подозревая о том, что застегнул пуговицы неправильно, с недоумением смотрел на Фу Яньлиня. С лёгкой долей нетерпения в голосе он насмешливо произнёс:

- Собирался уже лечь, но услышал шаги. Кто-то остановился прямо у моей двери и замер. Если бы я не знал, что это ты, то подумал бы, что кто-то пришёл меня убить.

- Понимаешь, я никак не могу найти жидкость для фумигатора. У тебя не осталось какой-нибудь лишней? - Фу Яньлинь потёр нос, неловко выдумывая причину своего визита на ходу.

- Сейчас такое время года, что комары ещё даже не появились, - Мо Сяобэй многозначительно и подозрительно взглянул на Фу Яньлиня.

- О, вот оно как... Даже не знаю, почему меня так чешется... хе-хе, - Фу Яньлинь принялся чесать руку там, где не было ни одного укуса. От этого чрезмерного усилия его бледная кожа мгновенно покраснела.

Мо Сяобэй закатил глаза и, хмыкнув, без обиняков разоблачил эту неуклюжую ложь:

- Всё-таки тебе стоит только петь, - заметил он. - Актёр из тебя вышел никудышный.

Фу Яньлинь с досадой спрятал фальшивую улыбку:

- Ладно, просто не спится, вот и решил немного прогуляться.

- Тогда иди скорее в постель, попытайся хотя бы закрыть глаза и отдохнуть, - Мо Сяобэй махнул рукой, прогоняя Фу Яньлиня. - Я, как повар, завтра снова в отпуске. Если что-то понадобится, на кухне полно продуктов, так что готовь сам. А если не выспишься, как ты завтра пойдёшь в ночную смену?

Затем он подумал, что тот, возможно, расстроился из-за того, что вчера Мо Сяобэй внезапно сбежал, и твёрдо пообещал:

- Не волнуйся, я обязательно досмотрю твоё сегодняшнее выступление до самого конца.

Как выяснилось, перед лицом всепоглощающей сонливости даже объект глубокой симпатии превращается в какое-то размытое пятно.

Однако Мо Сяобэй и представить не мог, что вечером с Фу Яньлинем случится беда.

Десять часов вечера - самое оживлённое время в баре, настоящий пик активности. Вчерашнее выступление вернуло Фу Яньлиню утраченную уверенность в себе, и сегодня он, поддавшись внезапному эгоистичному порыву, решил спеть не чужую песню, а трек из собственного альбома, который написал ещё два года назад. Он не ожидал, что беда нагрянет в одно мгновение: из толпы внезапно раздался пронзительный и полный ярости крик.

- Это он! Фу Яньлинь! Этот ублюдок, из-за которого мой кумир так сильно пострадал!

Следом в Фу Яньлиня полетел тяжелый стеклянный стакан. Он инстинктивно увернулся, и стакан лишь в последний момент скользнул мимо его виска. К счастью, сцена была застелена плотным толстым ковром, так что стакан не разлетелся вдребезги, иначе последствия могли быть непредсказуемыми. Он глухо ударился о пол и покатился в сторону.

Брызги напитка окатили его с ног до головы, а затем, словно град, в него посыпались кусочки фруктов. Первой реакцией Фу Яньлиня было вскочить и крепко прижать к себе гитару, стараясь защитить инструмент собственным телом. Не успев среагировать, он получил несколько точных ударов кусками арбуза прямо по голове. Липкий сок стекал по лбу, рубашка мгновенно промокла насквозь – в этот момент он выглядел максимально жалко.

В зале поднялся невообразимый шум, музыка внезапно оборвалась на полуслове. В толпе послышались перешёптывания. Любопытные, презрительные и откровенно злорадные взгляды со всех сторон, словно острые иглы, вонзались в Фу Яньлиня.

Мо Сяобэй, охваченный внезапным ужасом, буквально растолкал толпу и выскочил на сцену. Там стояли две молодые женщины, которые с нескрываемой яростью на лицах буквально сверлили Фу Яньлиня своими взглядами. Они высоко подняли телефоны, снимая происходящее на видео, и ни капли не смущались своего вызывающего поведения.

Мо Сяобэй принял решение мгновенно. Он широко раскинул руки, словно насадка, защищающая своих цыплят, и полностью заслонил собой Фу Яньлиня. Затем он схватил микрофон, выкрутил громкость на абсолютный максимум и, поднеся его вплотную к колонке, закричал:

- Охрана! Схватить этих пьяных дебоширок!

В тот же миг раздался оглушительный, пронзительный визг – звук обратной связи был настолько резким, словно кто-то с силой провел кошачьими когтями по металлу. От этого невыносимого скрежета сердце уходило в пятки. Двое здоровенных охранников тут же подбежали к сцене, но, увидев, что нападавшими оказались женщины, на мгновение замялись, не зная, как поступить.

Эта нерешительность лишь придала агрессоркам смелости:

- Что вы творите?! – закричала одна из них. – Мы всего лишь очищаем общество от мусора! Таким, как Фу Яньлинь, место в сточной канаве, он должен быть опозорен навеки! Я сейчас же пожалуюсь на вас и выложу всё в Вейбо и Сяохуншу, чтобы другие люди знали, чего стоит ваш сервис и кого стоит опасаться!

- Вы что, совсем с ума сошли? Вас что, какие-то сектанты зомбировали?! – Мо Сяобэй был в настоящей ярости. – Психушка по вам плачет, ненормальные! Если бы вы не были женщинами,

я бы уже давно пустил в ход кулаки!

Не сдержавшись, он спрыгнул со сцены, по пути подбирая с пола разбросанные куски фруктов. С силой швыряя их в женщин и осыпая их гневными проклятиями, он превратил всё вокруг в настоящий хаос, сопровождаемый визгами и криками.

- Ты тот самый повар из гостевого дома?! - взвизгнула одна из женщин, уворачиваясь от летящего в неё арбуза. - Я пожалуюсь, что ты издеваешься над клиентами! Это, по-вашему, качественный сервис? Я лично позвоню в Управление по делам культуры и туризма, чтобы ваше заведение занесли в чёрный список!

- Ого, вы что, профессиональные «черносписочники»? - Мо Сяобэй насмешливо выделил последнее слово. - Везде суёте свой нос. Давай, иди, жалуйся! Выкладывай всё в интернет, пусть люди посмотрят, на чьей стороне правда, «феечки» вы такие!

Зрители, ставшие свидетелями всего этого безобразия, начали открыто осуждать женщин. Нашлись и те, кто решил подлить масла в огонь, вытащив телефоны, чтобы запечатлеть позорное поведение нападавших.

Поняв, что ветер переменился и толпа больше не на их стороне, женщины попытались поспешно сбежать, но в этот момент Фу Яньлинь сошёл со сцены. Впервые на глазах у стольких людей он открыто снял свою маску спокойствия:

- Я уже давно ушёл из индустрии, - тихо, но отчетливо произнёс он. - Сейчас я просто пытаюсь найти любую работу, чтобы прокормиться. Я больше не конкурент вашего кумира. Что бы я ни говорил в своё оправдание, тех, кто притворяется спящим, не разбудить. Я вас пальцем не трогал, почему вы так со мной поступаете?

Он медленно вытер с лица липкий фруктовый сок и, не глядя на женщин, набрал номер полиции. В его глазах читались бесконечная безнадежность и глубокая усталость:

- Я вызвал полицию. Не волнуйтесь, когда я немного остыну, я, возможно, подпишу мировое соглашение. Но вы ведёте себя слишком нагло. Я искренне думал, что если буду терпеть и молчать, вы хотя бы потеряете ко мне интерес. Однако за ошибки нужно отвечать, а не просто поливать людей грязью в интернете, - сказав это, Фу Яньлинь крепко обнял свою гитару и, растолкав толпу, ушёл прочь. Было очевидно, что он держится из последних сил, и его самообладание висело на волоске. Как можно было не принимать всё это близко к сердцу? Происходящее было слишком похоже на тот кошмар, который постоянно преследовал его в снах.

Ему не раз снилось, что он снова стоит на сцене стадиона Гонконгский Колизей. Зал забит до отказа, тысячи людей смотрят на него, но в следующую секунду на сцену летят не цветы и не оваации, а пластиковые бутылки с водой и тухлые яйца.

Спустя некоторое время Фу Яньлинь сидел на берегу реки, опустив голову и сосредоточенно вытирая грязь с гитары. Он тихо, тяжело вздохнул и закурил. Внезапно зазвонил телефон – на экране высветился номер из Гонконга.

Фу Яньлинь нахмурился, долго колебался, но всё же ответил. Даже ожидая этого звонка, он почувствовал резкий, неприятный укол в сердце, услышав знакомый пронзительный и приторный женский голос:

- Пог-г-ганний мальчишка! Наконец-то соизволил ответить! Ты что, хочешь, чтобы мамочка умерла от горя, раз не берёшь трубку? Где тридцать тысяч, которые я просила?

Фу Яньлинь поперхнулся дымом и закашлялся так сильно, что на глазах выступили слёзы. Женщина на том конце провода даже не поинтересовалась, как он себя чувствует, продолжая давить:

- Дай мне чёткий ответ! Случилось что-то серьёзное, а ты просто сбежал? Я не терплю дезертиров! Мама в тебе очень разочарована.

- Моя банковская карта заморожена, поговорим через несколько дней... – голос его звучал глухо. – Я уехал, чтобы немного развеяться, в ближайшее время в Гонконг не вернусь. Ты... перестань играть в азартные игры, мама. Каждый раз, когда ты трёшься возле этих богатых дам, они всё равно не ставят тебя ни во что. Мы должны уважать себя сами, разве нет?

Фу Яньлинь затушил окурок, и в его словах слышалось что-то среднее между мольбой и наставлением. Он давно не общался с матерью, Шэнь Анной, и их отношения давно стали натянутыми. Когда у него ещё были деньги, он не раз потакал её тщеславию, отдавая ей большую часть своей зарплаты. Но с тех пор, как она окончательно под села на азартные игры, каждый её звонок неизменно сводился к просьбам о деньгах. Они ссорились, кричали друг на друга, и всё неизменно заканчивалось разрывом. В самый тяжёлый период своей жизни Фу Яньлинь даже заблокировал её номер. С тех пор прошёл почти год.

- Что ты этим хочешь сказать?! – взорвалась Шэнь Анна. – Денег нет, а на путешествия они нашлись? Что ты мне тут врёшь?! Ах, значит, ты решил, что больше не обязан быть сыном? Я просто попросила немного денег, я же не сказала, что не верну! Ты, неблагодарный щенок! Я тебя растила, кормила, одевала, а ты теперь кусаешь руку, которая тебя кормила? Лучше бы я родила кусок свинины, чем тебя! Если бы я знала, что старик Фу меня бросит, ни за что бы тебя не родила, только жизнь мне портишь!

Слово за словом, Шэнь Анна перешла на откровенную грубость. Она совершенно не осознавала, насколько жестоки её слова, буквально вонзая нож прямо в сердце собственного сына.

Наверное, от этой боли он просто онемел, или же у него больше не осталось сил злиться. Он весь дрожал, едва удерживая телефон в руке. Когда на том конце выплеснули всё, что хотели, ему нечего было добавить, и он просто сбросил вызов. Ладно чужие люди, но даже родные способны вонзить нож в спину. Если бы не его невероятно крепкая психика, он бы уже давно покончил с собой.

Фу Яньлинь в отчаянии подумал, что в моменты крайнего бессилия человеку остаётся только смеяться. На эмоциях он так сильно махнул рукой, что чуть не выбросил телефон в реку, но остатки здравого смысла вернули его к реальности – новый телефон стоил денег, да и внезапное сообщение в WeChat с картинкой окончательно отрезвило его.

Пять минут назад Мо Сяобэй прислал ему фотографию домашнего супа с лапшой, мясным фаршем и свежей зеленью.

Текст сообщения был коротким: «Возвращайся домой, поедим».

<http://bllate.org/book/17942/1720715>